

Где же прятался туз?

Борис Кац
С.-Петербург

7 апреля 1834 года Пушкин, не без гордости, записал в дневнике: «Моя “Пиковая дама” в большой моде.— Игроки понтируют на тройку, семерку и туза».¹

Комбинация трех выигрышных карт, как видим, весьма заинтересовала современников, но, так сказать, в прагматическом плане: на ней испытывали удачу.

В теоретическом же плане она оставалась в небрежении вплоть до XX века. Во всяком случае, в известной мне литературе о «Пиковой даме» позапрошлого столетия вопрос о том, почему именно эти три карты выбраны для демонстрации неизбежного выигрыша в фараоне, не поднимался.

Это небрежение было с лихвой компенсировано в XX и начале XXI века таким обилием опубликованных размышлений о природе данной карточной комбинации, что даже составление сколь-нибудь полной библиографии этого вопроса не представляется возможным. Из этого множества я буду опираться лишь на несколько избранных авторов, чьи суждения кажутся мне особо показательными.

Две работы, касающиеся до карточной игры в «Пиковой даме», остаются фундаментальными.

Это впервые (и не полностью) опубликованный в 1934 году труд В.В.Виноградова «О стиле “Пиковой Дамы”»² и впечатляющая культурологической широтой статья Ю.М.Лотмана «“Пиковая дама” и тема карт и карточной игры в русской литературе начала XX века».³ Суммированию разных объяснений самой карточной комбинации и попытке ее нового объяснения посвящены также две ценные статьи Л.В.Чхаидзе.⁴ В этих и иных работах указаны многие претексты пушкинской повести, где выигрыши приносят тройка и/или семерка (опубликованная в России в 1832 году повесть Г.Кларена «Голландский купец», строки из стихотворения Ф.Глинки «Утроить, Сын мой, Усемерить!», ходячая легенда про екатеринского вельможу П.Б.Пассека, трижды выигравшего на тройке и др.), а также претексты, где причиной рокового проигрыша становится

пиковый туз (повесть П.Машкова «Три креста» 1833 года издания). Почти во всех карточных сюжетах, предшествовавших «Пиковой даме» акцентируется последовательный выигрыш в трех тальях на трех верных картах, однако нигде комбинация этих карт не представлена тройкой, семеркой и тузом.

Нет избытка в более или менее убедительных спекуляциях (как профессиональных, так и дилетантских) на тему о символике каждой из карт и их объединения. Всем им, однако, присуще отчетливое отъединение первых двух карт от третьей. Древняя сакральность (кабалистическая или иная) чисел 3 и 7 не подлежит сомнению. Но туз такого рода сакральностью не обладает, и для него каждый раз предлагается новое объяснение – из какого-либо другого символического ряда.

Активизация размышлений над тайной трех карт началась с обнаружением Д.Д.Дарским и А.Л.Слонимским одной исключительно важной фразы во внутренней речи Германна. Вопрос о приоритете одного из этих исследователей решить трудно. Доклад Д.Дарского прозвучал в 1922 году в Обществе любителей российской словесности в весьма авторитетной аудитории и вполне мог быть известен А.Л.Слонимскому, который опубликовал свою статью пять лет спустя, но без ссылок на Дарского. Сам же доклад Дарского дождался публикации еще 73 года, хотя ссылки на него встречались в пушкинистике.⁵ Сравним два рассуждения:

Д.Д.Дарский:

Наконец, самые карты. Они сказаны вовсе не случайно, как безразлично какие, и в их названии есть также своя закономерность. «Расчет, умеренность и трудолюбие: вот мои три верные карты, — так рассуждает Германн когда-то, — вот что утроит, усмерит мой капитал». Утроит, усмерит — тогда эти слова были произнесены как первые попавшие на язык, но след в подсознательной памяти от них остался и теперь снова выплыл тройкой, семеркой. Наконец — туз: какая же другая карта и по старшинству в колоде, и по звучанию в слове более подходит для победоносного выпада на решительной ставке? «Туз выиграл» — это звучит ударом хлыста по лицу «очарованной фортуны».⁶

А.Л.Слонимский:

В этой числовой игре, в этом неожиданном скоплении чисел, аналогичного которому мы больше не встретим на протяжении повести, выделяются две цифры: 3 и 7 (имеющие притом кабалистическое значение) <...> Мысль формируется в тройственной схеме: *расчет, умеренность и*

трудолюбие — вот мои *три* верные карты... Затем присоединяется семерка: восемьдесят *семь* (возраст графини. — *Б.К.*)... *неделя* (7 дней)... И оба числа смыкаются: *утроит, усмерит*... <...> Таким образом, фиксирование двух первых карт происходит двояким путем: извне, со стороны графини, и изнутри, со стороны Германна. Рядом с явной фантастической мотивировкой — скрытый намек на возможную реально-психологическую мотивировку. Намек этот так легкий и так запрятан, что его можно принять за случайность. Но случайности тут нет — даже в том случае, если Пушкин сделал этот намек бессознательно. Внимание Пушкина уже раньше было сосредоточено на этих цифрах, и это-то и заставило его сомкнуть их в мыслях Германна.⁷

Заметим, что при явном сходстве наблюдений, Дарский пытается объяснить появление туза ритмо-фонетически, а Слонимский проблеме туза вообще не затрагивает.

Наблюдение Дарского и Слонимского по ходу времени потеряло свое авторство и далеко не все ученые, обращавшие внимание на слова «утроит, усмерит» ссылались, подобно В.В.Виноградову или Л.В.Чхаидзе, на статью Слонимского, а уж про неопубликованного Дарского почти никто и не помнил. Проблема же связи тройки и семерки с тузом либо игнорировалась, либо для туза подыскивалось чисто символическое, далекое от числового значение. Многих ученых отвлекло от туза спор о мистическом элементе в повести. По какой-то неясной причине некоторые считали, что если комбинация карт — плод самовнушения Германна, то и явление мертвой графини — это его галлюцинация, а значит повесть лишена мистики и целиком реалистична и психологична. Между тем очевидно, что и в таком чтении мистический элемент остается в силе: все три карты таинственным образом выигрывают (как известно, Германн «обдернулся» и в последней талье ошибочно поставил не туза, а даму, но выиграл-то все-таки туз⁸). Комбинация карт остается мистически выигрышной, но уверенного ответа на вопрос, почему к сакральным тройке и семерке добавился туз — пушкиноведение не давало. Вместо того, чтобы приводить множество истолкований туза (в большинстве случаев связанных с тем значением слова, в котором оно употреблено, скажем, Грибоедовым: «Что за тузы в Москве живут и умирают!»), позволим себе неакадемическую, но в полной мере резюмирующую академические взгляды цитату.

В написанной для «школьников и учителей» полуигровой (и в своем жанре весьма полезной) книге эрудированный критик Бенедикт Сарнов предлагает ту же задачу решить не кому иному, как

Шерлоку Холмсу. И опять же про тройку и семерку догадывается великий сыщик, а туз выпадает на долю его незадачливого помощника:

Пытливо взглянув на Уотсона, Холмс сказал:

— Ну как, дружище? Улавливаете?.. Надеюсь, вы заметили, что мысль Германна все время вертится вокруг трех магических цифр.

Сперва преобладает идея тройки, связанная с мыслью о трех картах. Затем присоединяется семерка: восемьдесят семь, неделя (то есть семь дней). И наконец, оба числа смыкаются: «утроит, усемерит...». Ну, а что касается туза...

— Тут действительно уже нет никаких загадок, — обрадованный собственной догадливостью подхватил Уотсон. — Германн мечтает сам стать тузом, то есть богатым, влиятельным человеком.⁹

Шерлок Холмс снисходительно соглашается с догадкой Уотсона, итожащей литературоведческие наблюдения над проблемой. Но думается, что любое появление туза из каких-либо иных источников, чем те, откуда возникли тройка и семерка, волей-неволей заставляют заподозрить некий авторский просчет, который, разумеется, нельзя исключить и в пушкинском творчестве, но только в том случае, если не находится более простых и цельных объяснений. А таковые, между тем, давно и в большом числе предлагались. То были объяснение не мистические и не психологические, а карточно-арифметические, однако странным образом не доходившие до прямого ответа на вопрос — как к тройке и семерке присоединился туз. В отечественной пушкинистике ближе всех к истине, кажется, подошла Л.В. Чхаидзе, которая обратила внимание, что арифметические расчеты игроков в фараон (шtos или банк) отличались от привычных для нас нынче арифметических расчетов одним существенным обстоятельством. *Рассчитывался выигрыш, а не общая сумма денег, участвующая в игре. Из расчета исключалась первоначальная ставка как уже принадлежавшая игроку до всякой игры.* В первой талье игрок получал в виде выигрыша ту сумму, которую он поставил на карту. И вот эта сумма (равная его первой ставке) и считалась в дальнейших выигрышах как умножающаяся. По тем условиям, по которым играл Германн (а они были предельно ясно изложены в рассказе Томского) во второй талье в качестве ставки следовало использовать удвоенный первоначальный выигрыш (*пароли* или *пароле*) и в случае успеха во второй талье выигрыш первой тальи утраивался. В третьей талье надо было удвоить выигрыш предыдущей тальи (*пароли пе*) и тогда

при удаче первоначальный выигрыш усмерялся. По-видимому, этот расчет был столь привычным для игроков эпохи Пушкина, что никто и не озадачился вопросом, почему Германн говорит об утроении и усмерении капитала, а не удвоении, учетверении и увосьмерении. Капитал для него — это не столько первая ставка, сколько первый выигрыш, а потому-то он и должен быть утроен и усмерен, независимо от того, какие суммы участвуют в игре по таким правилам. В.В.Виноградов мог бы подметить это, приводя запись карточных терминов из записной книжки Гоголя, где четко сказано: «*Пароле* или *с углом* — выигрывается втрое». ¹⁰ Очевидно, что *пароле*, то есть удвоение предшествующей ставки в случае выигрыша учетверяет ее. На руках у игрока действительно вчетверо больше денег, чем при начале игры. Но Гоголь пользуется игрецкой арифметикой и считает только выигрыш, а предыдущий выигрыш не учетверился, а утроился. Безусловно, этой игрецкой арифметикой пользуются и Пушкин, и созданный им Германн. К сожалению, подойдя к этому вплотную, Л.В.Чхаидзе не сделала напрашивающегося вывода о происхождении таинственных трех карт: «Пушкин, естественно, мог выбрать любые карты и строить вокруг них сюжет повести. Но внимательное изучение ее показывает, что это не так просто. Мысли Германна после услышанного им рассказа о трех картах («Нет! расчет, умеренность и трудолюбие: вот мои три верные карты, вот, что утроит, усмерит мой капитал») содержат как раз те цифры, которыми обозначены две из них; причем одна цифра — семь — кабалистическая». ¹¹

Но на самом деле отнюдь не любые три карты мог выбрать Пушкин, а главное, увы, туз опять остался в одиночестве, на что не так давно снова обратил внимание С.Давыдов в богатой наблюдениями и смелыми выводами статье «Туз в “Пиковой даме”». ¹² Он же ввел в оборот неиспользованные ранее в отечественных работах о «Пиковой даме» источники. Первый из них — это письмо Б.В.Томашевского к редактору французского издания Пушкина А.Менье, помещенное в последнем томе этого трехтомника (случайно упущенную в *Новом Литературном Обозрении* ссылку на это письмо С.Давыдов любезно сообщил мне по электронной почте). Второй — это комментарий В.Набокова к пропущенным «картежным строфам» из второй главы «Евгения Онегина» в широко теперь известном издании. «Томашевский и Набоков, — пишет С.Давыдов, — <...> показали, что числа 3–7–1 порождаются самой игрой в фараон <...>». ¹³ Но тут же С.Давыдов упрекает Томашевского и Набокова в том, что они обнару-

живают формулу 1–3–7, которая не отражает последовательности тройки, семерки и туза: «для выигрыша карты нужно было ставить в порядке 3–7–1».¹⁴

Иначе говоря, туз оказался ненайденным и этими исследователями. Соглашаясь в данном случае с С. Давыдовым, не могу не заметить, что позиции Томашевского и Набокова представлены в его статье не совсем корректно (как и само описание игры). В письме Томашевского к Менье читаем: «В словах утроить, усмерить нет ничего мистического, это игрецкие термины — если ваш партнер проиграл, но продолжает надеется выиграть желаемую сумму, он удваивает ставку, и если он снова проигрывает, вы выигрываете втрое. Точно так же, если он проигрывает еще раз, вы выигрываете в семь раз больше первоначальной ставки, и т.д. Отсюда термин *sept et le va, quinze et le va*, по-русски сетельва, кензельва. Отсюда привычка к последовательности 1, 3, 7, 15.../2n-1»¹⁵ (слова *et le va* в данном конкретном случае переводятся как «плюс первоначальная ставка»). Как видим, Томашевский не только ничего не говорит о тузе, но и не выделяет последовательность 1–3–7, продолжая ее до 15, и более того — обобщает ее в формуле где при последовательных удваиваниях ставок умножение выигрыша (а соответственно и проигрыша) равняется числу «два в степени n минус единица», где единицей является сама ставка. Почти то же самое делает и Набоков, говоря об оставшихся в черновиках «картежных» строфах из второй главы «Евгения Онегина». В строках:

<Хоть все имеет> *quinze-et-le-va*
 Большие на меня права, —

Набоков виртуозно (не имея перед глазами черновиков) исправляет неверное чтение французского карточного термина, предложенное в Большом Академическом собрании, а попутно объясняет правила игры в «банк, немецкий вариант фараона, именуемый по русски штосс»,¹⁶ сообщает, что именно в эту игру играл Герман в «Пиковой даме» и предлагает примерный расчет выигрыша: «Если начальная ставка составляет, скажем, один доллар, то:

первый выигрыш: $1+1=2$ (*un et le va*)
 второй выигрыш: $2+2=4$ (*trois et le va*)
 третий выигрыш: $4+4=8$ (*sept et le va*)
 четвертый выигрыш: $8+8$ (*quinze et le va*)
 и т.д.».¹⁷

Как видим, и Набоков не выделяет последовательность 1–3–7 (см. французские слова в скобках), но тоже продолжает ее в принципе до бесконечности, а главное, как и Томашевский, совершенно не озабочен поиском туза. Однако, набор важнейших чисел ими выделен безошибочно: не показано только, как этот набор складывается в 3–7–1, то есть в тройку, семерку и туза.

Поэтому снисходительное продолжение статьи С. Давыдова («Не слишком горюя о неудачах литературоведов...»¹⁸) кажется не совсем оправданным: особых неудач как-то не видно. Сам Давыдов по следам многих зарубежных исследователей (см. список литературы в его статье) находит разные последовательности единицы, тройки и семерки во множестве сегментах текста повести (характерный пример того, что Давыдов именует «хронограмматической загадкой»: «Не прошло *трех (3) недель (7)* с той поры, как она в *первый раз (1)* увидела в окошко молодого человека...»¹⁹) То соглашаясь, то споря с открывателями и расшифровщиками подобных загадок (а их оказывается довольно много), Давыдов, наконец, обнаруживает и самого искомого туза, правда, сменившего звонкий согласный на глухой:

Имея больше доверия к Пушкину, чем к пушкинистике, я все-таки настаиваю на непогрешимости пушкинской тайнописи. Случайно оброненные Германом слова содержат, по-моему, все три карты, включая туза. Между 3 и 7 таится фонетически ассимилированный туз:

«вот что *утроиТУСемерит* мой капитал».

Однако, памятью о собственном убеждении, что туз является именно последней картой, а не прячется между тройкой и семеркой, Давыдов предлагает читателю (а заодно и самому Германну) читать процитированные текст дважды:

При первом чтении слов «утроит, усемерит» перед нами открываются только две карты, как бы лицом вверх, как в игре в фараон. При втором, криптографическом прочтении этих слов открывается средняя карта, туз. О справедливости такой последовательности в свою очередь свидетельствует и сама история толкования этого места критикой. Литературоведы, давно обнаружившие тройку и семерку, до сих пор не разглядели столь остроумно спрятанного Пушкиным туза.²⁰

Однако если Давыдов предлагает не слишком горевать по поводу неудач литературоведов, то я предложил бы не слишком ликовать по поводу его удачи. Во-первых, исследователь не объясняет, ни для чего Пушкину понадобилось так остроумно прятать именно туза, ни

каким образом Германн научается двойному чтению своих собственных мыслей (а «не случайно оброненных слов», как называет их С. Давыдов). Во-вторых, всякая анаграмматическая расшифровка (в данном случае, включающая еще и запятую в середине слова) сомнительна, если оказывается единичной в данном тексте, а тем более в корпусе текстов данного автора, и если не поддерживается некоторыми внетекстовыми коррелятами. Близкое расположение фонем *т*, *у* и *з* (или *с*) в «Пиковой даме» найти нетрудно, вот первые попавшиеся примеры:

«Тут он открыл ей ТайнУ, За которую всякий из нас дорого бы дал...», — рассказывает Томский (VIII, 229).

«Ты Убийца Старухи!», — твердит Германну голос его совести (VIII, 246).

«Девушки сидят У Себя, все в одной комнате», — сказано в записке Лизы (VIII, 239).

«Фонари светились ТУСкло», когда Герман готовился войти в дом графини (VIII, 239).

Когда же он уходил из него, то думал: „может быть, лет шесть-десять назад, в эТУ Самую спальню...“ (VIII, 245).

Примеры легко умножить, но стоит ли считать их анаграммами? А если, пользуясь другим модным методом, вспомнить, что Герман знает по-немецки, а потому туз для него звучит как «аз» (As), то слов с этим слогом – не оберешься, начиная с первой реплики Германа на рассказ Томского: «СкАЗка!» (VIII, 229). Если же мы еще вспомним, что Герман допущен в свет и потому наверняка знает по-французски, то туз в виде французского «ас» будет просто преследовать нас во всей фонетической ткани повести, начиная с эпиграфа («Как в ненАстные дни <...> чАсто <...> нА Сто» и кончая АСсигнациями, которые Герман кладет себе в карман сначала в мечтах, а потом и в реальности. Даже если и это принять за фонетическую шифровку, то цель ее остается неясной.

Потому, высоко ценя умение С. Давыдова читать пушкинскую тайнопись, я все же согласен с ним только в двух пунктах:

1. Как бы ни были обозначены «три верные карты» до произнесения их призраком Графини, они должны соответствовать числовой последовательности 3 – 7 – 1 (порядковый номер туза в колоде).
2. Выделенные и изучаемые слова внутренней речи Германа содержат «все три карты, включая туза».

Мне думается только, что туз совершенно не зашифрован анаграмматически, но просто назван другим словом, в полном соответствии с логикой игрока, опытного в наблюдении за игрой других, и теперь решившего рискнуть поставить на карту весь свой капитал. Повторим схему игры, данную Набоковым, слегка упростив ее для уяснения, какие именно расчеты производит игрок, подсчитывающий не общие суммы денег, а только выигрыши. Свою же первоначальную ставку он только приплюсовывает к этому выигрышу по французской формуле *et le va*.

Итак, если обозначить первую ставку (и соответственно) первый выигрыш единицей, то схема выигрышей будет такова:

Первая талья: ставка – 1; выигрыш – 1.

Вторая талья (*пароли*): ставка – 2; выигрыш – 3 (то есть 1×3)

Третья талья (*пароли не*): ставка — 4; выигрыш – 7 (то есть 1×7).

Считая по игрецкой, а не по, скажем, купеческой арифметике, Германн и держит в голове цифры: 1, 3, 7. И в отличие от более поздних читателей «Пиковой дамы» не забывает, что при абсолютном старшинстве туза в масти – эта карта в числовом выражении обозначается единицей. Старающийся избежать искушения, но мысленно уже играющий и все просчитавший, Германн думает о своем капитале как о первой ставке и соответственно как о первом выигрыше. Капитал его — 47 000 — становится той самой единицей, которая должна в первой талье стать выигрышем, во второй утроиться, а в третьей усемериться. Именно об этом он и говорит в своей внутренней речи: «вот что утроит, усемерит мой капитал» [*читай*: мою ставку, мой первый выигрыш, единицу моего расчета – Б.К.]. Итак, фраза содержит указание не на два числа, а на три, причем в последовательности — 3, 7 и 1. Эти-то числа и превращаются в воспаленном сознании Германна в три карты – тройку, семерку и туз (единицу).

Искать как шифrogramму, так и специфическую символику туза в каких-то иных областях кажется мне излишним. Лучше вспомнить слова Томского: «Германн немец: он расчетлив, вот и всё!» (VIII, 227).

Но далеко не всё с Пушкиным ясно: вопросы, почему, назначая Германну капитал, он отказался от 40 и 60 тысяч и остановился на 47, и почему осенью 1836 года на обороте частного письма он опять

делает расчеты выигрыша Германна исходя из ставок 47 и 67 тысяч, – остаются без ответов.

Примечания

¹А.С.Пушкин. *Полное собрание сочинений*. Том XII (Москва-Ленинград: Изд-во АН СССР, 1937), стр. 324. В дальнейшем все цитаты из Пушкина даются по этому изданию с указанием в скобках в основном тексте тома – римскими цифрами и страницы – арабскими.

²Полный текст с превосходными комментариями А.П.Чудакова см.: В.В.Виноградов. *О языке художественной прозы: Избранные труды* (Москва: Наука, 1980), стр. 176–249, 256–283.

³Ю.М.Лотман. *Избранные статьи в 3 томах*. Том 2 (Таллинн: Александра, 1992), стр. 189–415.

⁴Л.В.Чхайдзе, «О реальном значении мотива трех карт в “Пиковой даме”», *Пушкин: Исследования и материалы*. Том 3 (Москва-Ленинград: Изд-во АН СССР, 1960), стр. 455–460. Она же, «Пометки Пушкина на письме к нему А.П.Плещеева (Еще о реальном значении мотива трех карт в “Пиковой даме”», *Временник Пушкинской комиссии. 1971* (Ленинград: Наука, 1973), стр. 82–88.

⁵См. сопоставление точек зрения Дарского и Слонимского в работе: Н.П.Кашин, «По поводу “Пиковой дамы”», *Пушкин и его современники. Материалы и исследования*. Вып. 31/32 (Ленинград: Изд-во АН СССР, 1927), стр. 25–34.

⁶Д.Д.Дарский, «Пиковая Дама». Публ. В.А.Викторовича, *Пушкин: Исследования и материалы*. Том 15 (С.-Петербург: Наука, 1995), стр. 321.

⁷А.Л.Слонимский, «О композиции „Пиковой дамы“», *Пушкинский сборник памяти С.А.Венгерова* (Москва-Петроград: ГИЗ, 1922) (*Пушкинист*. IV), стр. 176; ср.: А.Слонимский. *Мастерство Пушкина* (Москва: Гослитиздат, 1959), стр. 521–522.

⁸Согласно пронизательному замечанию Д. Бетеа, пушкинский Германн никоим образом выиграть не мог, ибо, с точки зрения Пушкина, игра с судьбой или случаем невозможна при заранее известном результате: «грядущее изменение не позволено знать заранее». См.: Давид Бетеа. *Воплощение метафоры: Пушкин, жизнь поэта*. Пер. с англ. М.С.Неклюдовой (Москва: ОГИ, 2003), стр. 152.

⁹Бenedикт Сарнов. *Занимательное литературоведение, или Новые похождения знакомых героев: Книга для школьников и учителей* (Москва: Текст, 2003), стр. 115–116.

¹⁰Цит по кн.: В.В.Виноградов. *О языке художественной прозы: Избранные труды*, стр.181.

¹¹Л.В.Чхайдзе, «Пометки Пушкина на письме к нему А.П.Плещеева (Еще о реальном значении мотива трех карт в “Пиковой даме”», стр. 82–88.

¹²Сергей Давыдов, «Туз в “Пиковой даме”», *Новое Литературное Обозрение*, № 38 (1999), стр. 110–128.

¹³*Там же*, стр. 111.

¹⁴*Там же*.

¹⁵Pouchkine. *Oeuvres complètes*: 3 vols. Ed. A. Meynieux (Paris: André Bonne, 1953–58). III, p. 500.

¹⁶В.В.Набоков. *Комментарий к роману А.С.Пушкина «Евгений Онегин»*. Пер. с англ. (С.-Петербург: Искусство–СПБ, 1999), стр. 244.

¹⁷*Там же*, стр. 246.

¹⁸С.Давыдов. *Цит соч.*, стр. 111.

¹⁹*Там же*, стр. 113.

²⁰*Там же*, стр. 114.

STANFORD SLAVIC STUDIES

Volume 35

Series Editors

Lazar Fleishman
Joseph Frank
Gregory Freidin
Monika Greenleaf
Gabriella Safran
Richard Schupbach

Russian Literature and the West
A Tribute for David M. Bethea

PART I

Edited by
Alexander Dolinin
Lazar Fleishman
Leonid Livak

Stanford, 2008